

М. Д. БОЧАРОВ (ТАГАНРОГ)

МАЯКОВСКИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ

Социалистическая революция и искусство является одной из актуальнейших проблем XX века. Идеологическая борьба между противоположными общественными системами, независимо от того, находятся ли эти системы в состоянии „холодной войны“ или, чему мы являемся свидетелями в наши дни, происходит разрядка международной напряженности, всегда была и будет, пока эти противоположные общественные системы существуют на земном шаре.

Благодаря последовательной и настойчивой политике Советского Союза и всего социалистического лагеря в осуществлении ленинских принципов мирного сосуществования противоположных общественных систем в последнее время в международных отношениях произошли существенные изменения: установились более тесные контакты в экономической, научно-технической и культурной сферах жизни государств с различным социальным строем. И это находит активную поддержку людей доброй воли всего мира.

Что же касается сферы идеологической жизни противоположных общественных систем, то тут, разумеется, никакого мирного сосуществования быть не может, так как идеология одной системы в основе своей исключает идеологию системы другой. В настоящее время мы являемся свидетелями активизации империалистической идеологии, усиления ее диверсионных происков в странах Латинской Америки, на Ближнем Востоке и в других частях нашей планеты.

Это обстоятельство требует от нас — литературоведов и искусствоведов социалистических стран — решительной и бескомпромиссной борьбы с идеологией империализма, активного разоблачения ее антинародной сущности и лицемерия.

Буржуазные идеологи стремятся всеми средствами помешать формированию характера человека социалистического общества, подорвать его веру в коммунизм. При этом они не гнушаются самыми грязными приемами борьбы: клеветы, лжи, фальсификации. Одним из острых вопросов этой борьбы стала область литературы, а в ней проблема социалистического реализма как художественного метода.

Острая борьба развернулась вокруг крупнейшего представителя поэзии социалистического реализма Владимира Маяковского. Буржуазные литературоведы, искажая факты, превратно трактуя произведения, стремятся оторвать Маяковского от революции, противопоставить его советской действительности. Особое усердие в этом проявляют американские литературоведы. Р. Якобсон объявил Маяковского жертвой революции. Его ученица Патриция Блейк на все лады перепевает своего учителя. Струве утверждает, что сначала Маяковский от самого себя бежал в революцию, а затем бежал от революции. В этом же ряду стоят имена и других литературоведов-фальсификаторов: Элен Мучник, З. Фолеевского, Х. Маклина, Р. Мэтьюсона. Страстный голос певца коммунизма не по нутру буржуазным идеологам. Они хотят подорвать веру читателя в искренность стихов поэта. Стремясь противопоставить Маяковского революции, они тщатся доказать, что советская действительность не способствует развитию таланта, глушит его и в конечном итоге губит.

В свое время А. В. Луначарский в статье *Поэт революции* гневно разоблачал попытку Троцкого оторвать Маяковского от революции: „Троцкий осмелился сказать, что Маяковский действительно — шел навстречу революции и хотел ее любить, но, видите ли, революция оказалась такой неудачной, такой жалкой, что разочарованному Маяковскому, очутившемуся в плену официальнойщины, осталось только уничтожить себя.

Какую радость возбудят эти толкования жизни и смерти Маяковского в среде всех контрреволюционеров!

Но какой бы чугунной поэтической пощечиной ответил он на подобную клевету, если бы мог!

Впрочем, не будем ни на минуту омрачаться.

Могила Маяковского не беззащитная. **Он оставил свои сочинения, которые немолчно говорят и поют.**

То, о чем они говорят, и то, что они поют, гонит прочь всех сов и нетопырей контрреволюционной клеветы, как гонит их свет восходящей революции“⁽¹⁾ Эти замечательные слова А. В. Луначарского не утратили своей остроты и в наше время.

Глубокое своеобразие поэтического таланта Маяковского обратило на себя внимание читателя и критики еще в дореволюционную эпоху. Его поэзия, разрушающая и ниспровергающая буржуазный строй, продолжала лучшие традиции критического реализма. Маяковский воспевал силу, ум и красоту человека, оказавшегося под гнетом жирных и оттого обреченного на горе и страдание. Протест Маяковского против социальной несправедливости был отзвуком надвигающейся революционной грозы. Острота социальной проблематики произведений, их мятежный пафос, яркость и новизна художественных средств делали Маяковского одним из наиболее видных поэтов десятых годов XX столетия.

и счастья, подобную той, которая нарисована в конце поэмы *Война и мир*. Теперь Маяковский миру лжи и насилия, обществу, где

... доллар
всех поэм родовей.
Обирая,
лапя,
хапая,
выступает,
порфирой надев Бродвей,
капитал —
его препохабие

(7, 75)

противопоставляет реальную страну — страну подлинной свободы и радостного труда: „Я полпред стиха — и я с моей страной вашим шта-тишкам бросаю вызов“. „Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза“.

Если бы Р. Якобсон, Г. Струве и их сторонники проявили бы хоть каплю объективности в отборе стихов, не говоря уже об их анализе, версия о Маяковском — жертве революции отпала бы сама собой.

Социалистическая революция осуществила страстную мечту Маяковского о свободном и счастливом человеке. Возмущенный беспорядком и нищетой миллионов, поэт в 1913 году в трагедии *Владимир Маяковский* писал: „Говорят, где-то кажется в Бразилии — есть один счастливый человек“. Накануне революции, в 1916 году в поэме *Война и мир* поэт убежденно говорит о приходе свободы. „И он, свободный, ору о ком я, человек — придет он, верьте мне, верьте“. В советскую эпоху Маяковский во весь голос говорит о человеческом счастье, о радости жизни. „Я жизнь отдать за сегодня рад, какая это громада“. Поэт чувствует себя „советским заводом, вырабатывающим счастье“. Его строчки „Жизнь прекрасна и удивительна“ приобрели свойства афоризма.

В дореволюционной поэзии Маяковского трагические мотивы, связанные с изображением лирического героя, определяли средства изображения жизни. Ей придавались черты уродства и безобразности, при-сущие людям.

Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!

(1, 49)

Новая действительность порождает новые взаимоотношения поэта с жизнью. „Товарищ жизнь, давай быстрее протопаем, протопаем по пятилетке дней остаток“. „Вперед, время. Время, вперед!“ — девиз поэта,

кой. Он к врагу вставал железа тверже". Гуманизм Маяковского рождается революционной атмосферой, что определяет его силу и действенность:

Лишь лежа
в такую вот гололедь,
зубами
вместе
проляскав —
поймешь:
нельзя
на людей жалеть
ни одеяло,
ни ласку.

(8, 291—292)

Р. Яacobсон и его последователи пытаются представить Маяковского поэтом узко любовной темы, считая мотивы социально-политические чуждыми его творческой природы. Трудно придумать концепцию более нелепую и фальшивую. Никогда ни в чем поэт не был узко личным. Какой бы темы он ни касался, но всегда решал ее широко, в плане именно социально-политическом. Не составляет исключения и тема любви.

Сила Маяковского — великого новатора — в том и состоит, что он как никто до него, да и после, умел через личное раскрыть общественное. Для него не существовало любви в отрыве от великих идеалов служения революции, что нашло ярчайшее выражение в *Письме Татьяне Яковлевой*:

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.

(9, 386)

Решительный протест против устоев буржуазного строя определял в представлении Маяковского назначение поэзии как грозной разрушительной силы („сегодня надо кастетом кроитья миру в черепе!“). Слияние Маяковского с революционным народом в борьбе за счастье человечества породило новое представление „о месте поэта в рабочем строю“ — поэт — „народа водителя и одновременно народного слуги“. Поэзия по-прежнему приравнивается к оружию, но теперь вместо кастета-оружия деклассированных — поэтическое слово становится оружием революции, оружием классовой борьбы:

И песня,
 и стих —
 это бомба и знамя,
 и голос певца
 подымает класс,
 и тот,
 кто сегодня
 пост не с нами,
 тот —
 против нас.

(8, 122)

Сила стиха определяется у Маяковского революционным звучанием:

Я меряю
 по коммуне
 стихов сорта,
 в коммуну
 душа
 потому влюблена,
 что коммуна,
 по-моему,
 огромная высота,
 что коммуна,
 по-моему,
 глубочайшая глубина.

(7, 153)

Революционная действительность требовала новой формы, новых художественных средств. Маяковский как никогда захвачен поисками нового стиля. В его творчестве появляются новые для него жанры: марши, ода, песня. Он обращается к устной народной поэзии, к живому языку миллионов. Ориентация на широкого читателя становится решающим обстоятельством как в выборе тематики, так и в отборе изобразительных средств.

Задумчивость, лирика, страстность трибуна, острота публициста, гнев сатирика в органическом единстве составляют неповторимое своеобразие стиля и пафоса великого поэта, назвавшего свои произведения партийными книжками и с гордостью считавшего себя певцом революции:

Делами,
 кровью,
 строкою вот этою,
 нигде
 не бывшею в найме, —
 я славлю
 взвитое красной ракетой
 Октябрьское,
 руганное
 и пропетое,
 пробитое пулями знамя!

(7, 211—212)

Мы —
 Эдисоны
 невиданных взлетов,
 энергий
 и светов.

Но главное в нас —
 и это
 ничем не заслонится, —
 главное в нас
 это — наша
 Страна советов,
 советская воля,
 советское знамя,
 советское солнце.

(10, 119)

Борьба за коммунизм была для Маяковского смыслом жизни. Высокими принципами коммунизма поэт руководствовался в своей работе, в отношении к людям. „Я меряю по коммуне стихов сорта, в коммуны душа потому влюблена, что коммуна, по-моему, огромная высота, что коммуна, по-моему, глубочайшая глубина“. „Владимир Владимирович, — говорил один из друзей Маяковского — писатель В. Ш к л о в с к и й, — был человеком другого времени — коммунистической эпохи, он работал по правилам и законам будущего. Люди, которых он любил, люди, с которыми он дружил, а особенно люди, с которыми он враждовал, были людьми другого времени, они как бы родились за пятьдесят лет до поэта“.

Маяковский был рожден для революции, и она дала ему крылья для могучего полета. Органическое слияние поэта с революцией, безграничная преданность ее идеям, вера в коммунистический идеал не дают покоя „советологам“. Особое усердие проявляют те из них, кто бежал в свое время от революции, предав интересы родины и народа — Р. Якобсон, Н. Оцуп, Г. Струве и им подобные. Они не принимают Маяковского — певца „краснофлагового строя“. Сплошь и рядом в их „исследованиях“ через мнимую объективность подхода к творчеству поэта проступает зверинная ненависть к тому, кто сравнивал свои книжки с большевистским партбилетом, кто с гордостью говорил:

Пролетарии
 приходят к коммунизму
 низом —
 низом шахт,
 серпов
 и вил, —
 я ж
 с небес поэзии
 бросаюсь в коммунизм,
 потому что
 нет мне
 без него любви.

Н. Оцуп, например, не на шутку возмущен тем, что Маяковский „мещанина громит без жалости“. „Но ведь и мещанин человек“, — глубоко-мысленно замечает странный „человеколюб“ и кончает абзац ядовитыми словами, пропитанными ханжеским лицемерием: „Где же зрячесть поэта? Другого объяснения нет: когда бог хочет наказать кого-нибудь, он лишает его разума“. Не логика суждений, не увлеченность силой поэтического образа движет пером Н. Оцупа, а зло, ненависть к Маяковскому, стремление очернить поэта. Н. Оцуп не хуже и не лучше других „советологов“, подвизающихся на поприще „исследователей“ советской литературы.

Не одно десятилетие наши идейные враги клеветают на Маяковского, в разные годы по-разному интерпретируя его творчество, стремясь во что бы то ни стало опорочить революцию, а за одно и ее певца. Но поэзия Маяковского, независимо от их усилий, победно шествует по континентам, через преграды буржуазной цензуры, через грязные потоки статей и книг американских и других, „советологов“, неся миллионам читателей идеи Ленинской правды.

Маяковский еще при жизни воспринимался многими его современниками как великий поэт-новатор. Но размеры его дарования стали определяться только после смерти поэта, с течением времени обретая все большую масштабность и исключительность. В связи с этим уместно вспомнить высказывание о Маяковском А. В. Луначарского, одного из тех проникательных критиков, которые при жизни поэта высоко ценили его талант. „При жизни Маяковского, — писал Луначарский, — мне и в голову не приходило, что я потом пойму его рост (а еще понял ли я его во всем масштабе?) так огромно значительнее, чем при его жизни“.

Маяковский писал о том, что он „себя советским чувствует заводом, вырабатывающим счастье“. Поэт-гуманист, глашатай революционных идей, он увлекает за собой миллионы читателей в коммунистическое завтра. Его поэзия несет людям счастье борьбы за право быть свободным человеком, она утверждает идеи торжества разума над силами империализма, силами войны и порабощения человека человеком.

Еще в двадцатые годы Маяковский со всей решительностью выступил против зверинного облика фашизма и призывал рабочий класс всего мира к беспощадной борьбе с ним:

Во всех
 уголках
 земного шара
рабочий лозунг
 будь таков:
разговаривай
 с фашистами
 языком пожаров,
словами пуль,
 остротами штыков.

(8, 174)

Как созвучны эти стихи сегодняшним трагическим событиям в Чили!

Глубокое проникновение в суть жизненных процессов определило долговечность произведений поэта, их неувядаемую свежесть и злободневность.

Имя Маяковского — боевое знамя прогрессивной поэзии мира. „Пример поэта, стоящего на вершине нашего столетия, который привлекает к себе внимание поэтов всего мира, — это Владимир Маяковский, — говорил на Втором съезде советских писателей в 1954 году французский писатель Луи Арагон. — Владимир Маяковский — маяк, освещающий дорогу, по которой шагает жизнь. В свете Маяковского мы переоцениваем наши собственные богатства, мы лучше понимаем и наши истоки и наше движение. В свете Маяковского мы видим, как открывается перед нами общий путь поэтов всего мира, мы узнаем нового, советского человека и присоединяемся к нему и к схожему с ним человеку завтрашнего дня, который победит во всем мире“.

Маяковский — маяк, освещающий дорогу в коммунизм, — не игра слов, а удивительное соответствие фамилии ее носителю. Это обращало на себя внимание современников поэта. Одна из прогрессивных американских газет во время пребывания Маяковского в Нью-Йорке в 1925 году писала об успешных выступлениях поэта перед рабочей аудиторией: „Сегодня вечером все нью-йоркские маяки потухнут. Будет светить только один, но зато громадный СССР-овский маяк — Владимир Владимирович Маяковский. Сходите посмотреть и послушать его в Сентрал Опера Хауз“.

В наше время этот маяк стал светить сильнее и дальше, и слова поэта „светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить — и никаких гвоздей! Вот лозунг мой — и солнца!“ — звучат как клятва, как присяга служить великим идеям революции.

По силе влияния на развитие мировой поэзии 20 века нет поэта, равного Маяковскому. Причину „такой великой и все растущей поэтической славы Маяковского“ А. Фадеев видел „в том, что в его творчестве впервые в истории мировой поэзии соединились вместе, слились воедино поэзия и коммунизм“. Это глубоко верное определение сути поэзии великого певца революции.

Американские и другие „советологи“ пытаются объяснить могучую силу таланта Маяковского принадлежностью его к футуризму. По их мнению, не было бы футуризма, не было бы и Маяковского. Трудно придумать формулу более нелепую и фальшивую. Нет необходимости спорить с ней и опровергать ее многочисленными стихами самого поэта, сказавшего о себе: „Поэтом не быть мне бы, если б не это пел — в звездах пятиконечных небо безмерного свода РКП“.

Влияние Маяковского огромно не только в области поэзии, а в искусстве вообще. Известный советский актер Игорь Ильинский называл Маяковского „своей художественной совестью“. С именем великого

поэта связывал свои успехи в театре и замечательный режиссер Н и к о л а й О х л о п к о в: „Маяковский поднял во мне страсть к творческим желаниям. Он поднял во мне бурю. Он разбудил во мне чувство времени. Он развил во мне страсть к мужественному. Он вдохнул в меня чувство беспрестанного творческого беспокойства, жажду поисков, желание искать свой путь, безбоязненность в творческих боях, стремление быть борцом в искусстве“.

„В нас во всех будет жить Маяковский, как жизнь, как свет, как поборник жизни и мира“, — сказала о поэте М а р и я М а й е р о в а (Чехословакия).

Время отсчитывает годы жизни дряхлеющего капиталистического мира, утверждая социализм как подлинно народную общественную форму.

Стих Маяковского, „весомый, грубый, зримый“, сражается и побеждает, утверждая искусство как оружие в борьбе за счастье человека. Вечно живой и юный, с неугасимой любовью к человеку-труженику, жгучей ненавистью к врагам трудового народа Маяковский шагает по планете как поэт-трибун, провозвестник коммунистической эры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) А. В. Луначарский, *Собрание сочинений*, т. 2, М. 1964, 485.
- 2) Ж. „Иностранная литература“, Москва 1973, № 7, 218.
- 3) А. В. Луначарский, *Собрание сочинений*, т. 2, М. 1964, 485.